

Когда нет мыслей и свободна рука, трачу чернила.

Перпендикуляры, сетки, решётки... Частые, с мелкими зёрнами окошек, народившиеся одно за другим в результате пересечения линий. Космические цветы, нереальные, с длинными пестиками, мясистые лепестки с острыми, как лезвие, краями. Круги один на другом: сбившиеся звенья массивной цепи. Звёзды в брызгах и салют, чёткий, в небрежных нитях. Ветка ели зависла в воздухе, а на ней шар. Бесцветный, с чернильным отблеском, падающим неизвестно откуда.

Обратилась к печатным изданиям по графологии. Выяснилось, что я очень романтичный, но несколько нервозный и совершенно беспомощный зверь, загнанный в клетку, который пусть и склонен к полёту мысли, зато занимается не тем, чем надо было бы, и терпит себя в силу обстоятельств. Кроме этого, зверюга предпочитает находиться «вне игры», хотя своим шармом может добиться всего, чего хочет, правда, расходует нерастраченную энергию на бессознательное рисование каракуль.

Прогретый мартовским солнцем воздух полудня топит окна, и даже стены текут, зато ночью в щели кусается морозным клещом.

А весна – это когда утром одна большая лужа, хотя вчера было две маленьких и те в разных дворах.

Утром ноги двигаются, словно в танце, подстраиваясь под беззвучный ритм, неровный и непредсказуемый, когда от неожиданности шапка слетает. Гололёд...

А весна – это когда поскользнулся и обрызгал соседа.

Во дворе скелет снежной горки – внутри растаяла, сверху застыла, залилась мутной глазурью.

А весна – это когда жижа грязная, а не ледяное крошево.

Воздух лёгкий, но скрипучий, весь стянутый, как средневековый воротник.

А весна – это когда куртка распахнута, чтоб дышать не мешала. И голова дурная – шапка на затылке.

Небо серое, как в дымке, словно замытый линолеум в поликлинике.

А весна – это когда лицо рыжеет по брови, и губы пухнут от ветра.

Весна буксует: шаг вперед, два шага назад.